

ства». Только въ личности находится корень нравственности, добра.

Разумѣніе жизни было всегда, но кто былъ Разумѣющій? Божество, живущее въ людяхъ. Итакъ, внѣ людей нѣтъ разумѣнія: оно только въ нихъ, и то во время ихъ добраго настроенія. Это ли вѣра въ безусловное значеніе добра, когда его нѣтъ нигдѣ внѣ нашихъ идей? Этотъ полнѣйшій субъективизмъ (произвольность) религіи простирается такъ далеко, что авторъ считаетъ совершенно нелѣпостью мысль о томъ, чтобы нравственный міропорядокъ отражался и на природѣ матеріальной. Онъ совершенно раздѣляетъ міръ внутренній отъ внѣшняго, признаетъ два совершенно отдѣльных рожденія человѣка по плоти и по духу, и допуская мысль о подчиненіи духа плоти, съ ужасомъ отвергывается отъ тѣхъ разсказовъ Евангелія, въ которыхъ изображается подчиненіе матеріи нравственному началу, т. е. о чудесахъ. Въ этихъ разсказахъ Евангеліе показываетъ, что все подъ солнцемъ подчиняется не физической, но нравственной цѣли, и если послѣдняя того требуетъ, то разверзается глубина моря, останавливаются свѣтила небесныя, звѣзды указываютъ путь къ Солнцу правды, море и вѣтеръ слушаются Его гласа.

Не такъ по передѣланному евангелію: тамъ слѣпая мертвая необходимость царитъ надъ жизнью; плоть и матерія чужды послушанія духа; она, эта плоть, носитъ въ себѣ начало всякаго зла, и только сознающій смыслъ жизни побуждаетъ зло чрезъ отрѣшеніе отъ жизни плотской. Поэтому, если понизится настроеніе духа человѣка, если заградется въ его душу сомнѣніе относительно дѣйствительности жизни духа, то ничто его не поддержитъ. Ни въ жизни настоящей, ни въ исторіи не увидитъ онъ дѣйствующей руки Творца внѣ произвольнаго настроенія людей. Только плоть и смерть безъ воскресенія предстануть его мысленному взору. Въ минуты нравственнаго просвѣтлѣнія онъ можетъ сознавать, что это добро вѣчно, что хотя онъ, какъ личность, умретъ, и исчезнетъ, но присущая ему духовная жизнь сольется со своимъ вѣчнымъ началомъ; а теперь, когда онъ усомнился въ дѣйствительности этой духовной жизни, ему кажется, что если она только существуетъ въ людяхъ, то съ истребленіемъ человѣческой личности истребляется и все доброе въ ней, насколько добро существуетъ только въ личности. Мрачный пессимизмъ и матеріализмъ являются ничѣмъ неопровержимыми для него теоріями и онъ